

ГОТИЧЕСКИЕ МЕДИА В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ: МЕДИАСТРАХИ КАК ОТРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИЙ «TERROR» И «HORROR»

С. А. Гладков

Челябинский государственный университет

Поступила в редакцию 19 мая 2022 г.

Аннотация: статья посвящена использованию элементов готической поэтики в медиадискурсе. На примере продуктов телевизионной журналистики исследуется то, каким образом готическая поэтика помогает репрезентовать медиастрахи, ставшие неизменной составляющей информационной картины мира. На основе социокультурного анализа явлений медиасферы, а также поэтологического анализа вскрывается механизм репрезентации, который четко привязан к разновидности медиастрахов, а также коррелирует с давним типологическим разделением готических конвенций на два подвида: «terror» и «horror». Данное разделение позволяет нам разграничить готические медиа по способу репрезентации медиастрахов. Выводы, сделанные в статье, уточняют сами понятия «готические медиа» и «медиастрахи», попутно связывая их с культурным наследием медиасферы.

Ключевые слова: медиастрахи, готические медиа, terror, horror, тележурналистика, готическая поэтика, медиасфера.

Abstract: the article is devoted to the use of elements of Gothic poetics in media discourse. Using the products of Russian television journalism as an example, the article examines how Gothic poetics helps to represent media fears that have become an invariable component of the information picture of the world. Based on the socio-cultural analysis of the phenomena of the media sphere, as well as poetological analysis, the mechanism of representation is revealed, which is clearly tied to the variety of media fears, and also correlates with the long-standing typological division of Gothic conventions into two subspecies «terror» and «horror». This division allows us to distinguish between gothic media on television according to the way media fears are represented. The conclusions made in the article make it possible to clarify the very concepts of «Gothic media» and «media fears», simultaneously linking them with the cultural heritage of the media sphere.

Keywords: media fears, gothic media, terror, horror, TV journalism, gothic poetics, media sphere.

Что такое готические медиа? Слово сочетание «готические медиа» вызывает сложности по части его однозначного определения. С одной стороны, мы говорим о канале коммуникации, информационное сообщение по которому адресовано массовой аудитории. Если следовать универсальному и всеобъемлющему определению «медиа» в понимании М. Маклюэна, как это удалось концепировать В. Чумаковой, то под этим понятием имеем в виду «любой искусственно созданный человеком объект, обладающий вербальной структурой и служащий посредником между внутренним миром человека и внешним миром» [1, 37–38]. То есть сюда можно отнести все, что так или иначе перерабатывает, осмысливает человеческий опыт и выступает в качестве посредника его передачи — книги, фильмы, электронные и печатные СМИ, музыка, реклама и т.д. С другой — слово «готические» отсылает нас к определенной культурной парадигме, прежде всего связанной с поэтикой возвышенного, готического в понимании позднепросветительских эстетических флуктуаций Нового времени. Зародившись в конце XVIII в. — на-

чале XIX в., наиболее полно и успешно реализовавшись в литературном творчестве европейских авторов, готическая поэтика заметно трансформировалась на протяжении последних двух столетий, однако сохранила свои ключевые архетипические конвенции. Возможно именно поэтому, благодаря этой разновекторности словосочетания, понимание и определение готических медиа в наши дни наиболее размыто. Самое общее определение, которое можно дать: это медиа, включающие в себя ключевые элементы готической поэтики — хронотоп, повествовательные приемы и особую систему образов. Причем речь идет не просто о случайных вкраплениях этой поэтики, а некоей ее основательной укорененности, заключающейся в присутствии как минимум двух из трех указанных элементов.

Какая есть типология готических медиа сегодня? Сам термин «готические медиа» впервые появился в коллективной монографии Д. Пантера (1980) «Литература ужаса» [2]. С того же момента термин стал активно разрабатываться другими зарубежными литературоведами. В частности термин «готические медиа» используется К. Гелдер [3], Х. Уитли [4], Дж. Тайбетс [5], Д. Раунд [6]. Данное направ-

ление авторов до сих пор типологически разделяют готические медиа преимущественно по каналу коммуникации. Таким образом, выделяются:

— готические фильмы («Психо» (1960) А. Хичкока, «Ребенок Розмари» (1968) Р. Полански, «Изгоняющий дьявола» (1973), «Сияние» (1980) С. Кубрика, «Пятница 13-е» и «Хэллоуин», «Сердце ангела» (1986), «Молчание ягнят» (1990) Дж. Демми, «Ведьма из Блэр» (1999), «Лабиринт Фавна» (2006) Б. Дель Торро и др.);

— телевизионная готика, где все чаще проявляется игровое прочтение готической поэтики («Доктор Кто» (1970-е), «Семейка Адамс» (1964–1966), «Новая семейка Адамс» (1998–1999), «Секретные материалы» (1993–2018), «Баффи — истребительница вампиров» (1997–2003), «Настоящая кровь» (2008–2014), «Ходячие мертвецы» (2010–2022), «Декстер» (2006–2013), «Ганнибал» (2013–2015) и «Страшные сказки» (2014–2016);

— готическое направление в музыке, использующую депрессивную тональность и агрессивную ритмическую аранжировку (*Bauhaus*, *The Cure*, *Joy Division* и др.).

Лишь единичные статьи в сборниках и монографиях затрагивают репрезентацию готической традиции в медиaprостранстве информационных СМИ. Например, по мнению Дж. Уиттакер, интернет-ресурсы с готической составляющей — это особое пространство для возвращения репрессированных страхов (страхи сверхъестественного, страсти, вины, сексуальности, научные технологии и пр.) через технологические электронные средства выражения, начиная с иконок пользователей на страницах в социальных сетях и заканчивая графическими визуализациями катастроф или преступлений массового характера [7].

Почему такая типология не идеальна? Потому что она не отражает реалии информационной картины мира. С конца 60-х годов XX в. мы живем в пространстве информационной инфляции. Суть ее очень точно описал С. Таченов: «Если лет 20 назад человек мог годами гоняться за какой-нибудь редкой книгой и, наконец достав ее, прочитал бы все до буквы, а может даже и переписать бы не поленился, то сейчас, когда эту книгу можно скачать в 20 разных местах, он, может, и читать-то ее не станет» [8]. Причина такого обесценивания информации заключается в ее доступности и тиражируемости, что приводит к переориентации на сегментированные потоки новостной ленты вместо высоких жанров. Наше мироощущение все больше и больше определяют не столько художественные произведения массового потребления (кино, сериалы, книги и прочее), сколько сама медиакартинка мира, создаваемая СМИ, с которой мы сталкиваемся каждый день, а порой и по нескольку раз за день. И здесь уже вопрос не в том, где готическая поэтика реализуется (она в той или иной степени присутствует везде, а значит, канал коммуникации

перестает быть определяющим), а как и за счет чего это делается. И вот здесь мы вплотную приходим к термину «медиастрахи».

Что такое медиастрахи и почему они значимы? Термин «медиастрахи» уже укоренился в научном дискурсе. Например, М. Желтухина выделяет в своих работах социальные, политические, экономические, бытовые, деловые, педагогические медиастрахи [9]. Именно медиа формируют и культивируют медиастрахи как инструмент влияния, как способ удержания внимания аудитории, поскольку, например, страх смерти и угроза смерти является самым сильным источником нашего беспокойства, а значит, с большей вероятностью будет стимулировать просмотры.

Чаще всего наши страхи основаны на нашем личном опыте, на рассказах других людей. Однако в ситуации информационной инфляции страхи чаще всего приходят из медиа, они формируют эти страхи совершенно разными путями. Есть лишь одно общее — это страхи, навязанные и культивируемые самими медиа (а потому они лишь косвенно соприкасаются с нашим личным опытом). Что сильнее — страх упасть с высоты или страх смертельно опасной эпидемии? Что страшнее — потеряться в чужом городе или оказаться в эмигрантском квартале выходцев из азиатских стран? Еще лет 30 назад первая составляющая этих антиномий бы перевешивала, сейчас — вряд ли. Именно поэтому медиастрахи обретают свою силу. Чем больше мы погружены в медиа, тем сильнее наши медиастрахи. Другими словами, под медиастрахи мы понимаем опасения, продуцируемые самой медиасферой, то есть контентом, который она сама производит (сами медиатехнологии или темы/образы/идеи, сформированные медиасферой). Благодаря данному пониманию «готические медиа» можно определить как совокупность медиапродуктов, чья структурно-стилистическая и содержательная сторона подчинена репрезентации медиастрахов с помощью элементов готической поэтики.

Какими способами реализуются медиастрахи? Готические медиа существуют за счет эксплуатации медиастрахов с использованием готической поэтики (хронотоп, повествовательная техника, система образов). Причем эту эксплуатацию подстегивают сами потребители информации, поскольку в этом случае срабатывает очень важный психологический момент: чем больше и чаще мы сталкиваемся со страхом, тем более устойчивы к нему становимся. Во-вторых, потребители медиаконтента обращают, прежде всего, внимание на страшные новости, на пугающие и ужасающие подробности, а не на позитивную информацию. Потому что подсознательно наш мозг считывает все это как предупреждение, как возможность уберечь себя от чего-то опасного. И в этом ключе у готических медиа есть два пути репрезентации медиастрахов: 1) прямое и подробное описание

того, что вызывает страх (например, жуткие кадры с мест преступлений активизируют страх ухудшения криминогенной обстановки); 2) суггестивная реализация страшного через намеки, саспенс, создание ощущения тревоги (конспирологические теории, присутствие иррационального, непознаваемые механизмы в психике человека и пр.).

Есть ли такому разделению объяснение? В нашей попытке поместить медиастрахи в какую-то рациональную систему координат мы логично приходим к литературоведческой теории разделения готической прозы на *horror* и *terror*. Можно, конечно, вспомнить З. Фрейда с его идеей отражения бессознательного страха перед смертью и утратой самости в литературных образах двойника, робота и т.д. [10]. Однако гораздо более уместна в интерпретационном и типологическом аспекте статья английской писательницы, классика сентиментальной линии готического романа А. Радклифф «О сверхъестественном в поэзии» [11]. В ней она довольно подробно анализирует два вида страха в «готической» литературе — страх-отвращение (*horror*) и страх-притяжение (*terror*). Разница между ними — это различие между смутным предчувствием и его чудовищным и злодейским воплощением. Если *terror* создает атмосферу, которая «одновременно культивирует ощущение мрачности происходящего, или меланхолии, или возвышенного и приводит к наивысшей форме любопытства и волнующему трепету» [11, 148], то *horror* — это «ужас от созерцания страшных и отвратительных физических предметов» [12, 316]. Следовательно, если страх-отвращение принадлежит сугубо разделу физиологии, пугающей своей реалистичностью, то страх-притяжение — скорее к эстетическому восприятию как результату авторского мастерства.

Как в готических медиа реализуется разделение на хоррор и террор? Легче всего отследить типологическое деление реализации медиастрахов с помощью готической поэтики на примере телевизионного контента. Это объясняется высокой степенью визуализации, а значит, особого воздействия через главный канал восприятия человеком окружающего мира, ведь «около 80% информации человек получает именно посредством зрения» [13, 181].

HORROR MEDIA

Среди широкого спектра программ на современном российском телевидении можно выделить целый пласт медиапродукции, которая формирует медиастрахи с помощью готической поэтики, соотносимой с категорией *horror*. Речь идет о реализации медиастраха роста преступности в стране и социальной напряженности в следующих готических медиапродуктах:

1. Документально-художественные программы криминальной тематики. Например, циклы передач

«Следствие вели...» с Леонидом Каневским на НТВ [14], «Вне закона» на Пятом канале [15] и др. Ключевыми элементами готической поэтики, участвующими в реализации медиастрахов, здесь становятся описание физической смерти в ее мельчайших деталях: журналисты и ведущие не только подробно описывают обстоятельства гибели человека, но с актерской выверенностью воспроизводят ее на экране. Особая драматургичность, отсылающая к театральной машинерии готических романов конца XVIII в. — начала XIX в., подкрепляется готически маркированным образом одержимого злодея — серийного убийцы, который, как и злодей в классический период развития литературной готики, в финале оказывается свергнут, пойман и наказан. По словам К. Пикарт, «перманентное увлечение серийным убийцей, как в голливудских фильмах, так и в криминальных расследованиях, указывает на появление “готической криминологии” с ее акцентом на такие темы, как жажда крови, принуждение, божественная месть, сила и господство» [16, 39]. Образ серийного убийцы становится характерной приметой телевизионной хоррор-готики.

2. Документальные проекты на ТВ, посвященные социально неблагополучным периодам, моментам истории, локациям российского государства — проект «Девяностые» на ТВЦ [17], документальный фильм «Самая страшная тюрьма России» компании BBC [18] и др. Например, все девять серий телевизионного проекта «Девяностые» на ТВЦ посвящены одной из ключевых примет 90-х гг., вызывающих эмоции и страха, и отторжения, на уровне физическом. Так, одна из серий посвящена криминальным разборкам и переделе рынка в сфере ритуальных услуг: человеческая жизнь становилось разменной монетой в борьбе за место на кладбище и право быть там погребенным. Ключевым медиастрахом становится опасение роста криминала и беззакония, а готическая поэтика хоррора подкрепляется готической локацией кладбищ, мрачной эстетикой салонов ритуальных услуг, и, самое главное, фотографиями и видео результатами криминальных разборок — изуродованные тела, плачущие жертвы, много крови, слез, ощущение надвигающейся опасности от рук бандитского сообщества и неминуемой гибели.

TERROR MEDIA

Довольно много медиапродуктов на российском телевидении эксплуатируют готическую поэтику для репрезентации медиастрахов в том числе с позиции *terror*-конценций. И здесь на первое место выходит уже не ужасающая телесность и физиологичность страха, а его неотвратимое приближение, эмоциональное восприятие пугающего, суггестивность и саспенс. Вот лишь несколько примеров того, как *terror*-поэтика помогает СМИ реализовать медиастрах непознаваемости реальных механизмов раз-

вития человечества и социума, необъяснимости законов его функционирования:

1. Мистические реалити-шоу, например, «Битва экстрасенсов» на ТНТ [19], «Сверхъестественное» на «Пятнице» [20], «Черно-белое» на Первом канале [21] и др. Поскольку саспенс напрямую связан с повествовательной техникой готической поэтики, мы можем часто увидеть в таких программах страх перед иррациональным (и участники, и герои боятся некоего потустороннего присутствия, которое является загадкой). Саспенс обеспечивается и визуально-художественной составляющей — затемненная студия, звуки учащенного сердцебиения, преобладающий черный цвет в одежде. Герои мистических реалити-шоу живут предчувствием и ожиданием чего-то загадочного и непонятного, что может изменить естественный ход вещей либо пролить свет на тайну, которая стала отправной точкой сюжета программы. Здесь же появляется еще один важный художественный элемент суггестии — игровой момент, элемент соревновательности, который добавляет напряжения происходящему, как и положено в *terror*-поэтике в сочетании с постмодернистским влиянием.

2. Документальные сериалы о таинственном и малоизученном (например, «Мистические истории» на ТВ3 с В. Вержбицким [22], «Тайны Чапман» на РенТВ [23], «X-версии. Громкие дела» на ТВ3 и др.). Ключевой медиастрах, который паразитирует на наших опасениях неизвестности в любой сфере, будь то политика, наука, повседневная жизнь, сочетается с системой традиционных готических антиномий «там/здесь», «свой/чужой» и т.д.: в случае, например, с «Мистическими историями» мы попадаем в особое пространство города или места действия, где работают другие законы, в случае с «Тайнами Чапман» есть свои люди, обычные, включенные в повседневность, а есть другие, обладающие особым знанием или состоящие в особых отношениях с окружающим миром, политическим мироустройством. Ну и, конечно, ключевым моментом программ данного типа является суггестивная стилистика. Это касается как суггестивной манеры коммуникации ведущего, когда воздействие на психику человека связано «со снижением критичности при восприятии сообщения, когда не происходит ни анализа, ни оценки побуждений к определенным действиям» [24, 48–49], когда убеждения формируются у зрителя без опоры на факты, так и суггестивной атмосферы — соответствующая музыка, видеоряд и компьютерная графика, направленные на создание тревожности, мнительности, скепсиса.

Итак, медиастрахи формируют нашу информационную повестку благодаря готическим медиа. С одной стороны, медиа используют притягательность медиастрахов, чтобы поднять свои рейтинги.

С другой стороны, это и определенная нейтрализация медиастрахов, так как частый их просмотр вырабатывает психологическую резистентность у зрителя. Типологическое разделение готических медиа на *horror*- и *terror*-поэтику объясняется разными типами медиастрахов. К *horror*-медиа можно отнести медиастрахи, связанные с непосредственной угрозой жизни и здоровью людей, к *terror*-медиа — медиастрахи, порождаемые непознаваемостью основ бытия, социума, общественно-политического устройства и т.д. Стоит добавить, что игровая нивелировка медиастрахов порой снижает остроту их реализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чумакова В. П. Концепция Герберта Маршалла Маключэна: медиа в социокультурной динамике: дис. ... канд. филол. наук / В. П. Чумакова. — М., 2015.
2. The Literature of Terror: A History of Gothic Fictions from 1765 to the Present Day / ed. David Punter. — London, 1980.
3. Gelder K. New Vampire Cinema / K. Gelder. — London: British Film Institute, 2012.
4. Wheatley H. Gothic television / H. Wheatley. — Manchester: Manchester University Press, 2007.
5. Tibbetts J. C. The Gothic Imagination: Conversation of Fantasy, Horror, and Science Fiction in the Media / J. C. Tibbetts. — New York: Netsource Dist Services, 2011.
6. Round J. Gothic in Comics and Graphic Novels: A Critical Approach / J. Round. — Jefferson, NC: McFarland & Company, 2014.
7. Wittaker J. Gothic and New Media / J. Wittaker // The Routledge Companion to Gothic / ed. C. Spooner, E. McEvoy. — L.; N.-Y.: Routledge, 2007. — P. 270–279.
8. Таченов С. Информационная инфляция / С. Таченов // Аяо «Alqualos» Kuroyuki's Journal. — Режим доступа: <https://ayao.livejournal.com/214713.html> (дата обращения: 20.02.2022).
9. Желтухина М. Р. Культивирование политических медиастрахов: мифы и реальность / М. Р. Желтухина // Наука телевидения. — 2015. — № 11. — С. 27–47.
10. Фрейд З. Художник и фантазирование / З. Фрейд; пер. с нем. К. М. Долгова. — М., 1995.
11. Radcliffe A. On supernatural in poetry / A. Radcliffe // The New Monthly Magazine and Literary Journal. — 1826. — Vol 16. — № 1. — P. 145–152.
12. Вацуро В. Э. Готический роман в России / В. Э. Вацуро. — М.: Новое литературное обозрение, 2002.
13. Вольфсон Ю. Р. Визуальное восприятие в современном обществе, или Куда движется галактика Гуттенберга? / Ю. Р. Вольфсон, А. Е. Вольчина // Современные исследования социальных проблем. — 2015. — № 4 (48). — С. 177–189.
14. Следствие вели... с Леонидом Каневским. — Режим доступа: <https://rutube.ru/plst/25174/> (дата обращения: 15.03.2022).
15. Вне закона. Реальные расследования (Пятый канал). — Режим доступа: <https://www.youtube.com/playlist?list=PLxM3pb0IElWnHgGizL4bc8nsGEVtEiFF> (дата обращения: 16.03.2022).

16. Picart C. J. The Compulsion of Real/Reel Serial Killers and Vampires: Toward A Gothic Criminology / C. J. Picart // Journal of Criminal Justice and Popular Culture. — 2003. — № 10 (1). — P. 227–255.

17. Девяностые. — Режим доступа: <https://rutube.ru/metainfo/tv/24364/> (дата обращения: 16.03.2022).

18. Самая страшная тюрьма России. Документальный фильм ВВС. Шокирующие подробности обитания. — Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=B1risvimnrc&t=12s> (дата обращения: 12.03.2022).

19. Битва экстрасенсов: [официальная страница на RuTube]. — Режим доступа: <https://rutube.ru/metainfo/tv/36/?ysclid=I0ub1pw5i8> (дата обращения: 12.03.2022).

20. Сверхъестественные: [страница на интернет-

платформе IVI.ru]. — Режим доступа: <https://www.ivi.ru/watch/sverhestestvennyie> (дата обращения: 12.03.2022).

21. Черно-белое: [страница на интернет-платформе IVI.ru]. — Режим доступа: https://www.ivi.ru/watch/white-black?utm_source=yandex&utm_medium=wizard (дата обращения: 05.03.2022).

22. Мистические истории: [официальный сайт телеканал ТВ3]. — Режим доступа: <https://tv3.show/misticheskie-istorii/1> (дата обращения: 08.03.2022).

23. Тайны Чапман: [страница на интернет-платформе More.tv]. — Режим доступа: https://more.tv/tainy_chapman (дата обращения: 08.03.2022).

24. Дедов А. Н. Технологии телевизионной журналистики / А. Н. Дедов. — Курган, 2017.

Челябинский государственный университет

Гладков С. А., старший преподаватель кафедры журналистики и массовых коммуникаций

E-mail: Stanislav-sky@yandex.ru

Chelyabinsk State University

Gladkov S. A., Senior Lecturer of the Journalism and Mass Communications Department

E-mail: Stanislav-sky@yandex.ru